

Девять квадратных метров

Вите семнадцать. Он к суициду склонен.
С жизнью не сводит счеты – пока ничья.
Девять квадратных метров
и подоконник
ветхого, дорогостоящего жилья.

Будят с утра трамваи, гремя стозвоном,
или вода, по стенам стекая вниз.
Но сквозняки из треснувшего бетона
чаще, чем мама, спрашивают:
«Как жизнь?»»

Этой войне однокомнатных
поколений светит в конце:
училище и завод.
Витя решает столбики уравнений.
Мать из квартиры выпишет через год.

Свет в коридоре.
Чайник свистит кипящий.
Ночь наливает в стаканы дворов закат.
Витя не просит милости в настоящем;
И не допустит хода с козырных карт.
Выверит график, по точкам
сверяясь с планом:
баллов для Политеха должно хватать.
Если разжалобить ректора и декана,
комнату в общежитии могут дать.
У поводка семнадцать
упрямых звеньев.
Витя под вечер рвется, как пес,
с цепи.

Здесь на Неву из окон,
без изменений
день ото дня,
не-бла-го-по-луч-ный вид.

Несправедливости в мире повышен градус,
вектор развития будущего решен.
Крошево дня, как снег,
продолжает падать
в чайную ложку
с коричневым порошком.

Музыка вечера.

Нервы звенят как струны.

Выдох остынет формулой на стекле:

«Если и правда Боженька

ад придумал,

он точно

зарегистрирован

на земле...»

Вацлав пишет

Взгляд у Евы – лазурь небесная,

и светла, точно лен, коса.

Вацлав пишет для Евы песенки.

Вацлав с детства любил писать.

Мир, как улей, гудит, встревоженный,

под прицелами острых жал.

Вацлав знает, что стал заложником

двух могущественных держав.

Пусть все чаще и чаще свастикой

от столичных бесед разит,

он займется с утра гимнастикой

и торопится в магазин.

Никому не откажет в помощи,

постарается угодить.

Ева режет на кухне овощи.

Ева скоро должна родить.

Ночью в войлочных тапках стоптанных,
чтобы не разбудить жену,
Вацлав выйдет тайком из комнаты,
сядет письма писать к окну.

Над почтамтом, за старым двориком,
тусклой аурой синий свет.
Вацлав носит сюда по вторникам
невесомый почти конверт.

Смерть ликует: ей обеспечена
перспективная жатва душ.
Вацлав молит, чтоб незамеченным
его шифр попал в Москву.

Вацлав пишет о бреши в панцире,
что войны неизбежен старт,
что страна поклонилась канцлеру
и стирает Россию с карт.

Хрупкий мир начинает рушиться,
ему хватит и пары пуль.
Вацлав смотрит, как небо кружится,
у дверей его ждет патруль.

Черно-красным, не по сценарию,
из груди вырывался дым;
и вскипало на небе зарево
надвигающейся беды...

* * *

В нашей жизни часто бывает кризис,
что её разделяет на «до» и «после».
Масштабируясь сверху, ударит снизу,
незаметно ребенка сделает взрослым.
Тебя встретят по шляпе, аксессуарам,
в деревянных оценят или в зеленых.
В детстве больше встречались: «поделим» и «даром»,
а у взрослых: «проценты», «куплю», «паленый»...
Кризис может заставить вспотеть затылки,
говорит, что впредь будем жить иначе,
не летать на Мальдивы, сдавать бутылки,
пересчитывать зубы, нервы и сдачу.
Кризис в разум внедряется незаметно,
накрывает телик узорной салфеткой,
дотемна не включит в квартире свет и
экономит спички, бумагу, конфеты.
Кризис может заставить слететь с катушек,
каждый день недели считать фатальным,
делать татуировки, тоннели в уши,
строить дом и детей рожать виртуально.
Мне твердят про кризис четыре года:
«Денег нет, но вы там еще держитесь!»
Смех гремит – не отнять его у народа!
Осторожнее! Родину не разозлите!
Мне твердят: «Спасайся! Враги повсюду!
Кризис не одолеть!» Берегите силы.
В три десятка Христа оценил Иуда,
сколько стоит сегодня продать Россию?
Там, где ветер в поле и мать у Кузьки,
кризис послан по адресу, только дальше.
Говорят, коль в мире родился русским,
то тебе никакой больше черт не страшен!

Мария Петровна

Мария Петровна не носит платки и галстуки, с недалеких времен опасается цвета красного. Носит нарукавники «по-бухгалтерски», на собраниях держится мнения единогласного.

Мария Петровна ходит в столовую с сумочкой и ватрушки кладёт в пакет полиэтиленовый. Но звонок на урок вызывает ее из сумрака, оторвет от стакана белого, однопроцентного.

Каждую третью пятницу каждого месяца идет к автомату с зеленым прямоугольником, и ей хочется закричать, зареветь, повеситься, но дочь по-прежнему замужем за алкоголиком,

и внуки растут... и растут быстрее, чем кажется, словно долги на розовом крупными буквами. А по весне на окне зеленеют саженцы, чтобы стать «своими ягодами да фруктами».

Время горькое, тягучее, как суспензия, потому что ни на секунду нельзя проштрафиться! Ей лет восемь назад бы уйти. Но – никак на пенсию... И Мария Петровна рисует и чертит графики,

пишет планы, отчеты, проекты для эффективности, платья шьет, вырезает ночами звёздочки. Ей в своём районе нет равных в результативности: двенадцать грамот почета лежат на полочке.

С неба падают тайные слоганы от инквизиции:
в крестный ход как можно настойчивей звать родителей...
У Марии Петровны к небу своя петиция,
но закон ею соблюдается неукоснительно:

обеспечить явки! И мнения! И собрания!
Овладеть за две ночи методикой презентации.
У Марии Петровны духовное перегорание,
замещение, продленка, диспансеризация...

Мария Петровна от школы и до магазина
крестный ход завершает, стараясь держаться прямо.
Смотрит в небо и, голову запрокинув, наизусть,
нараспев
читает ему Хайяма.